

репрезентирует тенденцию современного употребления фразем (вульгаризация стиля – ср. вульгаризм с опущенным соматизмом *околачивать зруши* – ‘бездельничать’). 2. *Мы работали там и тут, здесь и там – повсюду, где была возможность наложить, то есть, приложить руки* (С. Соколов. Школа для дураков). На основе контаминации фразем *накладывает руку* – ‘1. Присваивать, захватывать что-л., завладеть чем-л. 2. Подчинять целиком своему влиянию, власти; расправляться с кем-л. или чем-либо’ и *приложить руки* – ‘принять участие в каком-л. деле; быть причастным к какому-л. делу’ – осуществляется приращение окказионального смысла: ‘участвуя в каком-л. деле, присвоить что-л.’ 3. *Какая чепуха, – отвечает Акатов, – вы совершенно нормальны, совершенно, я предполагаю, многие женщины согласились бы пойти с вами по жизни рука об руку – и никогда бы не пожалели* (С. Соколов. Школа для дураков). Образование окказиональной фраземы путём объединения двух синонимичных единиц в одну: *пойти по жизни рука об руку* – ‘обручившись, в тесном единстве, вместе, совместно, одной семьёй’ – наполняет её более ёмким дискурсивным смыслом.

Таким образом, писатели, как креативные носители языка, ускоряют процесс формирования фразеологического смысла на базе зафиксированного в языковом сознании концепта, который отражает соответствующее дискурсивное событие. Семантико-стилистические возможности фразем с модифицированной семантикой сообщают тексту определенное эмоциональное звучание, интегрируя когнитивно-дискурсивный потенциал фразеологической семантики, нередко придавая ей направление, не запрограммированное исходным фразеологическим прототипом.

УДК 81’37:398.9

В. И. Коваль

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОФРАЗЕОЛОГИИ

Славянские фразеологизмы, соотносящиеся со сферой народной духовной культуры, рассматриваются в статье с точки зрения отражения ими основных фрагментов языковой картины мира. Выявляются фразеосемантические группы славянских этнофразем, репрезентирующих традиционное мировоззрение.

Этнофраземы (фразеологизмы, генетически связанные со сферой народной духовной культуры) объединяются в тематические группы, соотносящиеся с основными фрагментами так называемой языковой картины мира, под которой обычно понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о *мире*; определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации *действительности*. В более лаконичной форме языковая картина мира определяется как «мировидение через призму языка» [1, с. 73]. Язык – основа той картины мира, которая складывается в сознании каждого человека и приводит в порядок огромное количество предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире. Неотъемлемой частью языковой картины мира является фразеологическая картина мира – «особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, национального мироосмысления, отраженный и зафиксированный в содержании языковых форм фразем». Этнофраземы, как и фразеологизмы в целом, обладают способностью концептуализировать обыденное сознание и создавать структуры, «в которых в образно-символьной форме кодируются и передаются от поколения к поколению <...> нравственно-этические, моральные нормы и стереотипы» [3, с. 142].

Этнофразеология, рассмотренная сквозь призму языковой картины мира, маркирует основные жизненные циклы, важнейшие сегменты «жизненного круга»: внутриутробное состояние → рождение → создание семьи → жизнь в ее разнообразных проявлениях → болезненное состояние → уход в иной мир. Проиллюстрируем это на материале славянских фразеологизмов, генетически связанных со сферой народной духовной культуры.

Состояние беременности, предшествующее рождению человека, вербализуется во фраземах, именной компонент которых связан с продуцирующей символикой: рус. *гороху объесться*, укр. *наїстися гороху* ‘забеременеть’, бел. *гарох брыняе*, пол. *grochi się objadła*, кашуб. *ona są grouchi obżarła*; сравн. также укр. *си наїла бобу* и серб. *najela se bobа*, пол. *fig się objadła* и *najadła się pasternaku*. Смыслообразующим компонентом в данном случае может выступать и зооним: бел. *з’есці навука*, кашуб. *pszczolę je pogręzłę*, *brzmiol je kąsył*, *bocón je wëklepol*.

Сфера рождения человека (роды, предстоящие роды) представлена этнофраземами, основанными на образе развалившейся печи, символизирующей, в свою очередь, рождающее женское начало: бел. *у яго зараз печ развалицца*, кашуб. *pec są rozwalil*, словц. *pec sa im rozvál’ala*, чеш. *rozbořila se jim pec*, н.-луж. *tam su se kachle rozvalili*, словен. *peč se je podrla*.

Сфера сватовства и следующего за ним вступления в брак иллюстрируется четырьмя фразеосемантическими группами:

а) ‘согласиться на брачное предложение’: рус. *дать руку, дать плат, дать плат со словом, платки давать*; бел. *даць вянок, даць пярсецёнак, пакаціць пярсецёнак, падаваць сватам вады, ступаць у след маладога*; укр. *піч колупати*;

б) ‘отказать, получить отказ при сватовстве’: рус. *дать редчину, поехать со скипидаром, дать рогатку, шест получить, чайник навесить, поднести гарбуз*; бел. *даць чорнай поліўкі, пакаціць камень, прычаниць дзяркач, аблізаць таўкача, гарохаваы даць вянок, даць гарбуза*; укр. *дати (нідсунути, ніднести) гарбуза, ніднести кабака, макогін облізати* пол. *dać czarnę polewkę, dać grochowy wianek. dać (dostać) kosza, rozdawać koszyki, kosza otrzytać*; словц. *dostat’ košom*; чеш. *pojíti s hrachovým věncem*; болг. *давам трънката*, хорв. *dobiti šipak*;

в) ‘стать замужней (женатым)’, ‘венчаться, жениться’: рус. *покрыть девке голову, снять волю*; бел. *вязаць поясам, накрыць [адным] ручніком*; укр. *покривати косу, руки зв’язати, на рушнику стояти*.

г) ‘сохранять (утрачивать) девственность до свадьбы’: рус. *надевать хомут*; бел. *садзіцца на пасад*; укр. *віночка доносити, калину держати, загубити вінок*; кашуб. *stracęc wióńk, wióńk wdeptać w błoto*.

Поведение людей в сфере интимных отношений представлено фразеологизмами со значением ‘иметь внебрачные связи’: рус. *скакать в крапиву*; укр. *скакати (стрибати, плигати) в гречку, заглядати до курника*; кашуб. *kozë pasc*.

Поведение и внешний вид человека маркируются фраземами, характеризующими активную деятельность (физическое воздействие, вербальную агрессию) (рус. *дать баню*, польск. *sprawić łaźnię*, бел. *даваць перуноў*) и оборотами, характеризующими пассивную деятельность, безразличие (рус. *жить как лисица (как заяц) под бороной*; бел. *спаць у шапку, як мыши пад венікам (сядзець)*; укр. *як миша під віником (сидить)*; пол. *siedzi (ukrył się) jak mysz pod miotłą*. К этой же группе относятся фразеологизмы, характеризующие ошибочные и неадекватные поступки (рус. *гриб съест* ‘потерпеть неудачу в чем-нибудь’; бел. *палажыць казу, усадзіць казла*, укр. *коня положити*, кашуб. *konia (wilka) umotac* ‘ошибиться при сновании’).

В самостоятельную разновидность выделяются этнофраземы, объединяющиеся значением ‘неожиданно, некстати (появиться, сказать, сделать что-либо)’: бел. *як Піліп з канпель (выскачыць, з’явіцца)*; укр. *як Пилип з конопель (вискочити)*; пол. *wyrwał się jak*

Filip z konopí; чеш. *vyrval se jak Filip z konopí*. Отступления от нормы во внешнем виде человека маркируются этнофразами со значением 'нижняя одежда видна из-под верхней': рус. *завалилась суббота за пятницу, середка ниже пятницы, из-под пятницы субботу видно*; бел. *серада з-над пятніцы відаць, выглядае субота з-над нядзелі*; пол. *dłuższy piątek od soboty*, чеш. *kouká ji pátek přes sobotu, leze sobota přes neděli*.

Сфера магической деятельности представлена тремя фразеосемантическими группами:

а) фразеологизмы, относящиеся к обереговой магии (рус. *посадить под корыто*; укр. *під корито підвернути старшу* 'выйти замуж раньше старшей сестры'; рус. *носить воду решетом*, бел. *араць дарогі* 'делать что-либо неразумное, заниматься глупостями'; рус. *вбивать осиновый кол [в могилу]*; бел. *дарогу перасякерыць* 'помешать кому-либо в достижении определенной цели'; рус. *заткнуть за пояс, выносить сор из избы*;

б) фразеологизмы, связанные с продуцирующей магией (укр. *топтати ряс* 'жить'; бел. *зайцаў хлеб* 'остатки еды, привезенной домой из лесу, луга, которую предлагают съесть детям');

в) фразеологизмы, связанные с вредоносной магией (рус. *бросать слова на ветер*, бел. *кідаць словы на вецер*, укр. *кидати (випускати) слова на вітер*, болг. *хварлям думи на вятъра*, макед. *говори во ветер*; бел. *калаціць зялёны мак* 'очень ругаться').

Различные жизненные ситуации вербализуют этнофраземы, выражающие:

а) негативную оценку ситуации (рус. *дело табак (труба)*, укр. *діло тютюном пахне*);

б) степень проявления признака (бел. *на валовой шкуры не спішаиш*, рус. *на валовью шкуру ня сабярешь*, укр. *на воловій шкурі не впишеиш*; пол. *nie spisał by na wołowej skórze*; кашуб. *ani na wołowe skorze bę tego nie spisał*; чеш. *na volove kůži by toho nesepsal* 'очень много');

в) значение возможности, необходимости (рус. *хоть топор вешай*; бел. *хоць зямле ўкусі, хоць на веніку ехаць*).

Внутренние качества человека репрезентированы двумя типами этнофразем: оборотами, характеризующими негативные качества (рус. *змея подколотная*, бел. *абое рабое*; рус. *клепок в голове не хватает*, укр. *не всі клепки в голові*, пол. *brak jednej klepki w głowie*; серб. *недостаје једна (трећа) даска у глави*) и фразеологизмами, характеризующими позитивно осмысливаемые качества (рус. *собаку съел*, бел. *пад'есці жалезнага бобу*).

Представления о счастье, везении, удаче реализуются в славянских этнофразах, смыслообразующими компонентами которых являются либо слова-зоонимы, либо предметы, наделенные апотропейной и продуцирующей символикой: бел. *Воўк дарогу перабег*, болг. *Вълк ми препречи пътя* (ФРБЕ 1, с. 293), *Срещна ме вълк*; бел. *Певень яму заспяваў на дарогу*, пол. *Kur go opiał* 'очень везет кому-либо'; рус. *родиться в шапке* 'быть удачливым, везучим' укр. *у печурці родився* 'очень счастливый'.

Психофизическое (как правило, негативного оцениваемое) состояние человека реализуют фразеологизмы со значением:

а) 'о чувстве тревоги, беспокойства, страха': рус. *душа не на месте, душа уходит в пятки*, бел. *душа ў пяткі схавалася (ускочыла)*, укр. *душа в п'ятках опинилася*, пол. *duża tu już wlażła w kolana*, чеш. *mít duši v lokti*, болг. *душа се крие под нокът*, хорв. *duša na jeziku*;

б) 'споткнуться, упасть': бел. *зайца злавіць*, укр. *вовка вбити*, пол. *złapać (zabić) zająca*, чеш. *chytit zajíce*; пол. *złowić wydrę*;

в) 'психически ненормальный, сумасшедший': рус. *белены объелся, мухоморов наелся*; бел. *дурыу наеўся, блёкату аб'еўся*; укр. *як чемериці наївся, шалени гриби поїв*; пол. *się blekoti objadł, duru się objadł*; чеш. *najíst se blínu*; хорв. *najesti se bunike*;

г) 'тошнить, рвать': рус. *драть козлы*, бел. *казлы дзерці*, болг. *дера козел*, чеш. *drbát (dřít) kozla*; рус. *поехал в Рыгу*, бел. *з'ездзіў у рыгу*, укр. *поїхати в Ригу*, пол. *pojechał do Rygi*;

д) 'дремать; спать, уснуть': рус. *окуней ловить*; бел. *вудзіць акунёў*, укр. *ловити окуні*; бел. *вадзіць дзяды*, кашуб. *zédów wozęc*; рус. *податься в Сонино, ехать*

к Сопикову, бел. *пайсці да святога Спаса*, укр. *поїхати в Храпівку, іти до Лежухова*; чеш. *jít ke Spalovu*, кашуб. *jic do Ložkovic*.

Уход из жизни, смерть маркируют этнофраземы двух деривационных типов: устойчивые словосочетания, смыслообразующие компоненты которых имеют хтоническую символику (бел. *лунака ўхапіць* ‘погибнуть, пропасть’, укр. *луна піймати* ‘умереть’) и фразеологизмы, в состав которых входят ложноориентирующие компоненты-онимы (рус. *поехать в Могилевскую губернию, в Могилев съездить, съездить в Могилев, к Лопатинскому пойти, в Глинско пойти*; бел. *пайсці да Пясоўкага*; укр. *перевестись до Вишневецького*; кашуб. *jehac do turawskiégo (do zelińskiégo)*; рус. *Кондрашка хватил (стукнул)* ‘кто-либо внезапно разбит параличом’, ‘кто-либо скоропостижно умер, скончался’).

Приведенный материал свидетельствует, с одной стороны, о системном характере славянской этнофразеологии, а с другой – о представленности в ней важнейших фрагментов традиционного мировоззрения славянских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания, 1994. – № 5. – С. 73–89.

2 Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. / О. А. Корнилов; 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

3 Буянова, Л. Ю. Русская фразеология как ментально-оценочная система и культурный код познания / Л. Ю. Буянова // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 142–146.

УДК 81.161.3:[398.9:159.942.5]

В. А. Ляшчынская

ФРАЗЕАЛАГІЧНАЯ КАТЭГАРЫЗАЦЫЯ ЭМАЦЫЙНАГА СТАНУ АБУРЭННЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле на аснове фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з эмасемай ‘абурэнне’ ў лексікаграфічнай дэфініцыі зроблена спроба абгрунтаваць катэгарызацыю эмоцыі абурэння ў беларускай фразеалогіі.

Паводле тэорыі дыферэнцыяцыі эмоцый у псіхалогіі, якая зыходзіць з прызнання неабходнасці вывучэння асобных эмоцый, эмоцыя абурэння не выдзелена. Ва ўсякім разе яе няма сярод асноўных эмоцый у працы, прысвечанай выдзяленню і апісанню эмоцый, аднаго са стваральнікаў гэтай тэорыі К. Ізарда. Як сведчаць лексікаграфічныя крыніцы, лексема *абурэнне* абазначае ‘вельмі моцнае незадавальненне, гнеў’ [1, с. 83], на аснове чаго можна меркаваць пра сувязь абурэння з незадавальненнем і гневамі: абурэнне можна кваліфікаваць як высокую ступень выражэння незадавальнення ці абурэнне прыраўноўваецца да гневу. Паколькі гнеў уключаны ў лік васьмі асноўных эмацыйных станаў, паспрабуем устанавіць эмоцыю абурэння праз гнеў, пра які псіхолагі адзначаюць так: “Вынікі многіх даследаванняў па вывучэнні эмоцыі гневу дазваляюць заключыць што гнеў часта актывізуецца адначасова з эмоцыямі агіды і пагарды” [2, с. 265]. Як відаць, пры адчуванні чалавекам эмоцыі гневу эмоцыя абурэння не адзначаецца.

Вывучэнне фразеалагізмаў беларускай мовы, што рэпрэзентуюць эмоцыі і пачуцці чалавека, вымушае даць станоўчы адказ аб катэгарызацыі, выдзяленні ў фразеалогіі